

Что-то этот год беспощаден к нашим поэтам.
В июне вот покинул нас и Сергей Малышев. Всякий раз, когда о Поэте говорят: «Ушёл из жизни», в душе пробуждается вулкан, извергающий лаву протеста и сомнений: правомерно ли вообще употребление данных слов? Ведь Поэт и его стихи неразделимы, а стихи остаются с нами, и живой голос Поэта звучит в них. Прислушаемся же ещё раз к негромкому, поэтическому голосу казанского Поэта Сергея Малышева

ПОЭЗИЯ

31

Сергей Малышев

1950–2007

Как женщину мальчишка, я жизнь люблю

*
* *

Бог нужен всем. Вернее, доброта,
спасение, когда до жути плохо, –
ребёнка ли пугает темнота,
обмяк ли от диагноза пройдоха.

Не только страх нам говорит о Нём,
Он явлен и рождённому в сорочке,
когда непостижимое во всём –
от звёздной бездны
до счастливой строчки.

Он должен быть. Никто не обделён,
Он свой у каждого, и без Него недужен
рассудок мой. Но чувствую, что Он
к своим слепым овечкам равнодушен.

Кто благостен, кто, мекая, дерзит, –
Ему-то что? Хотите – бога ради.

Куда сильней светила тормозит
кружение снежинки в снегопаде.

Кружение, пустая суетня,
дорога никуда и ниоткуда...
Но дожил я до нынешнего дня,
в чём иногда усматриваю чудо.

Я вряд ли что-то значу для Него.
Но благодарен, как и всё живое,
за то, что есть я в замысле Его,
за то, что Он-то знает, для чего я.

Неужто я чего-нибудь хочу?
Судьба-рубашка с каждым годом к телу
всё ближе, но бездумно бормочу:
«Как быстро наше время пролетело!»

А мы, мы рады счастью осязать
синицу, согревающую руку,
и кроме «помнишь?», нечего сказать
ни миру, ни себе и ни друг другу.

А времечко ушло на пустоцвет,
в полночный разговор за крепким чаем
вместилось без труда... Но много лет
о чём же мы томимся и скучаем?

А жизни справедливо колесо,
давить оно ненужное умеет...
Но в этот разговор вместилось всё,
что меры под луною не имеет.

А это всё – от дружбы до стихов.
Ему не грех казаться бесполезным,
с ним ни один из мыслимых веков
не станет ни последним, ни железным.

Не мы одни до нынешнего дня
монетой прозвенели на ступенях,
и повторится наша болтовня
ещё не раз в грядущих поколениях.

Но мы одни – в том радостном моём,
где мы горим, надеемся, страдаем
и говорим, и будущим живём,
и ничего о нём пока не знаем.

Читаю детёнышу книжку о храбром бароне,
его вдохновенный рассказ
о Луне многолюдной.
Теснятся детали пестрее толпы на перроне, –
а сонное чадо в постельке свернулось уютно.

По-разному люди живут на чудесной планете:
у повара бьётся в печи розоватое пламя,
учёный колдует над колбами,
медник – над медью,
а бравый солдат караулит красивое знамя.

С утра музыкант на любимой шарманке играет,
на крыше весь день трубочист,
а чиновник – на стуле...
Состарившись, лунные жители не умирают,
а тают, как дым или пар
над кипящей кастрюлей.

Мне кажутся грустными строки, и я замолкаю,
предвидя вопросы, гляжу на кроватку
с опаской, –
а там уже хнычут,
тактично сквозь сон намекая,
что время – читать, а не думать
над странной развязкой.

Но вот и уснули. И сжаты надменные губки –
похоже, во сне свою волю диктуют кому-то.
И тянется сладкий дымок из бароновой трубки,
и жизнь, безусловно, не больше
вот этой минуты.

Буйная ветка сирени
этакий тополь лиловый,
царствуя в поле зрения,
царит над столом обновой.

Её распирают силы,
её обживает тяжесть –
лепят неизъяснимо
складную многоэтажность.

Надолго уходишь взглядом
в подобие райского сада,
не тронутого разладом
между «хочу» и «надо».

Зажав бородёнку дланью,
любуюсь твореньем божьим –
и нет у меня желаний,
и я ничего не должен.

Но радость должна быть краткой,
затянешь её – обжудит.
Веточка аккуратно
в положенный срок пожухнет.

За хлопотами забуду
о сладостной, многокрылой...
А мне и не надо чуда.
Спасибо за то, что было.

Жизнь обучает уменью прощать.
Сложно ли вовремя нрав укрощать,
не горячась, уходить от скандала –
так, чтобы гордость твоя не страдала?

Это же проще простого – смолчать
за бесполезностью криком кричать.
Дверью не хлопнув, вернее решаешь:
или прощаешься, или прощаешь.

Трудно забыть, а прощать – ерунда...
Жёстко терпимости учат года,
каждым разрывом науку простую
в душу вбивают – и всё-то впустую.

Снова и снова мы с ближним своим
словно на скользком карнизе стоим.
Мерзость творимого чувствуя сами,
яростно бьём по живому словами.

Пахнет топодем

Ночь кончается прогулкой
в утро гулкое вдвоём –
по крутому переулку,
освежённому дождём.

Всё, что нам сказать бы надо,
слышим без обиняков
в тишине, такой богатой
от звучания шагов.

Пахнет топодем, и жалко,
что рассвет разводит нас.
Но душа – как на рыбалке –
отдыхает в этот час.

Ночь кончается под сводом
редким крон и проводов –
чтобы стать за поворотом
частью прожитых годов.

Под простыми небесами
о судьбе тужить не след.
Всё, что было, – было с нами,
и другого счастья нет.

Стук шагов наполнил русло,
освежённое дождём.
Пахнет топодем, и грустно
знать, что набело живём.

Мой искренний друг

Чуть истерично – искренне, но слишком, –
попробуй от такого отвяжись, –
он жизнь любил, как женщину мальчишка.
Ещё он женщину любил, как жизнь.
Как спиртом, неудачами давился,
от злости лез на стены, и опять
смеялся: «Ничего я не добился,
поскольку не любитель добивать...
Люблю – и всё! – мою земную участь.
Таких, как я, всегда невпроворот, –
природе нелегко даётся точность,
нужны ей недолёт и перелёт.
И мы сгораем, как черновики...
Без этого бы не было, наверно,
росинки храма на траве у Нерли
и нервов у цветаевской строки...
Люблю – и всё! И если даже слишком,
от этого попробуй откажись.
Я – это я. Как женщину мальчишка,
я жизнь люблю. И женщину – как жизнь».

Январь, 1991

36

То ли бумажный кораблик качается в луже,
то ли простынку сорвало
с верёвки балконной...

Белое что-то из памяти душной наружу
вырваться хочет, оформиться
в сон беспокойный.

Жалко намокший кораблик, простынка тревожно
в небе мелькнув, под ногами прохожих
валяться
в слякоти будет. Не то чтоб
уснуть невозможно,
но ни к чему то и дело в тоске просыпаться.

Что же, подыдемся, включим настольную лампу,
Комната словно чужая от яркого света.
Сотней болезней напрасно грозят эскулапы,
ясно, что сердцу полезна порой сигарета.

Пара затяжек – и сразу в груди полегчало,
ночь впереди не страшит,
в голове прояснилось.
Бело знаменье, что бы оно означало?
Сонников нет для того,
что ещё не приснилось.

Сонников нет – и не выяснить, что тебя мает,
даже снотворное не прибавляет покоя.
То ли устал, то ли старый недуг донимает.
Или же попросту время настало такое.

Мутное время, когда на религию мода,
траками танков сминается плоть человечья.
Как опротивели страсти во имя народа,
разные «измы», галдёж, фарисейские речи!

Смутное время, когда ничего ты не можешь.
Под ноги ляжет бессильная белая птица.
Жалко бумажный кораблик, ему не поможешь.
И не сбежать никуда, не уснуть, не забыться.

Пьеса ещё неокончена, роли уже
выбраны нами. Сыграем же без дураков!
Ясен финал, но не ранит, а тонет в душе,
камешком в тёмную воду идёт без кругов.

Камешком в тёмную воду – и свет облаков,
рядышком звёздная ляжет сентябрьская ночь.
Выбором места на сцене себя не морочь,
тайной свободой богаты во веки веков.

Сказочку помнишь? Две ёлочки рядом росли.
Пьеса от детских стихов далеко увела,
порознь тени ложатся до края земли,
но, как известно, родная планета кругла.

Звёздная полночь в далёком скрещенье дорог,
свет облаков, он важнее, чем грубый сюжет.
Мы не спеша до конца доведём диалог.
И не забудь на «пока» улыбнуться в ответ.

И не забудь улыбнуться. Во веки веков
новых ролей из несказанных слов не собрать.
Право на выбор потрачено без дураков,
полной ценою оплачено право играть.

